

„Узникъ“ Пушкина въ народной передѣлкѣ.

Для изученія произведеній А. С. Пушкина не безынтересно знать, какъ они воспринимаются простымъ народомъ. Разборъ народныхъ передѣлокъ Пушкинскихъ стихотвореній и отыскиванье другихъ слѣдовъ вліянія Пушкина на теперешнюю народную словесность помогли бы отчасти при рѣшеніи вопроса о народности Пушкина, вопроса, чаще другихъ поднимавшагося, но до сихъ поръ почти еще не поставленнаго на научную почву. Такое изученіе должно бы идти рядомъ съ отыскиваньемъ мотивовъ, взятыхъ Пушкинымъ самимъ изъ произведеній такъ называемаго народного творчества.

Съ другой стороны, намъ кажется, что изученіе тѣхъ пѣсень, которыя, такъ сказать, на нашихъ глазахъ становятся народными, очень важно въ методическомъ отношеніи, что именно съ такихъ пѣсень удобнѣе начинать при изученіи народной пѣсни. Пѣсни литературнаго происхожденія при сличеніи ихъ съ подлинниками помогли бы выяснитъ законы собственно *народной* пѣсни.

Давно уже высказывается мнѣніе, что народная пѣсня на Руси вырождается. Многіе обрекаютъ ее на постепенное вымираніе, отрицая возможность процвѣтанья или даже просто здоровой жизни ея при теперешнихъ условіяхъ ¹⁾. Нѣкоторые доходятъ до того, что

¹⁾ См. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности. Кіевъ 1896-стр. 52, Пышинъ, Исторія русской литературы, т. III, Спб. 1899, стр. 94—96. Лопатинъ и Прокунинъ въ предисловіи къ изданному ими Сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень, М. 1889; Васнецовъ—Пѣсни Сѣверной Россіи, М. 1894—предисл., Истомина и Дютшъ и мн. др., между прочими О. Е. Коршъ. Но такое мнѣніе раздѣляется не всѣми. Такъ, противъ него высказывались А. И. Соболевскій (Въ Извѣст. IX археолог. съѣзда въ Вильвѣ. 1893 № 13. Пренія по поводу реферата Тиховскаго), Вс. О. Миллеръ, Вл. Н. Перетцъ и др.

возстаютъ противъ самаго изученія новѣйшихъ пѣсенъ. Здѣсь не мѣсто входить въ полемику по поводу этого взгляда, тѣмъ болѣе, что ни современная, ни даже старинная русская лирическая народная пѣсня почти не изслѣдованы. Разрѣшить вопросъ о томъ, какъ надо смотрѣть на теперешнее положеніе народной пѣсни, можно только путемъ ея изученія, а до тѣхъ поръ всякія сужденія объ упадкѣ народной пѣсни и невозможности ея существованія въ будущемъ слѣдуетъ считать преждевременными.

Въ виду всего этого считаю нелишнимъ остановиться на одной изъ новѣйшихъ пѣсенъ литературнаго происхожденія, именно, на народной передѣлкѣ стихотворенія Пушкина «Узникъ».

Народныхъ пѣсенъ, представляющихъ передѣлку литературныхъ стихотвореній, довольно много. Такъ, наприм., изъ одного Пушкина въ народъ попали, по крайней мѣрѣ, слѣдующія стихотворенія: 1) «Подъ вечеръ осени ненастной»¹⁾; 2) Черная шаль; (обѣ пѣсни въ настоящее время, кажется, уже забыты въ народѣ); 3) Казакъ: «Разъ полуношной порою»... (въ центральныхъ губерніяхъ Россіи считается уже старой и почти не поется); 4) Узникъ. Кроме того, отмѣт. Некрасова: «Катеринушка», «Что такъ жадно глядишь на дорогу» и др.; Полонскаго—Затворница; Жуковскаго—Три путника (переводъ ст. Уланда), и т. д., даже Беранже въ переводѣ Курочкина—«У старушки у одной я сымаль каморку».

Ни одна изъ пѣсенъ литературнаго происхожденія не осталась безъ передѣлки, и это вполне понятно; иначе нельзя бы было и говорить о «народной» пѣснѣ. Дѣло въ томъ, что каждая пѣсня въ основѣ должна принадлежать какому-нибудь одному автору, но будь это Пушкинъ или к.-н. безымянный авторъ, какими являются сочинители большей части народныхъ пѣсенъ,—пока въ народѣ бьется хоть какая-нибудь творческая жилка, пока народъ воспринимаетъ пѣсню не одной только памятью,—всякая пѣсня будетъ перерабатываться народомъ постепенно на свой ладъ. Очень интересно бываетъ прослѣдить, какимъ измѣненіямъ подвергается пѣсня послѣ того, какъ изъ к.-н. пѣсенника попадетъ въ народное употребленіе.

¹⁾ Относительно принадлежности этого стихотворенія Пушкину, впрочемъ, высказываются сомнѣнія.

Пѣсня *живетъ* въ народѣ, подвергаясь передѣлкамъ, осмысливающимъ ее въ народномъ сознаніи.

При разборѣ народныхъ пѣсенъ литературнаго происхожденія нельзя забывать о той посредствующей роли, какую играютъ при этомъ народные пѣсенники и лубочныя картинки. Въ нихъ иногда находимъ стихотворенія извѣстныхъ писателей въ передѣланномъ видѣ, часто безъ подписи. Такое явленіе можетъ объясняться двояко—или составитель пѣсенника дѣйствительно самовольно распорядился чужимъ стихотвореніемъ, или же это стихотвореніе еще раньше пѣсенника распространилось въ народѣ, и составитель пѣсенника напечаталъ его въ готовой народной редакціи. И то и другое—возможно. Какъ на примѣръ такого измѣненія, могу указать на стихотвореніе Я. П. Полонскаго «Затворница», напечатанное въ «Полномъ Пѣсенникѣ» Живарева (М. 1895, стр. 443—444) безъ подписи, съ выпускомъ послѣдней строфы и съ сильнымъ измѣненіемъ предпослѣдней. Записанный мною въ Рузскомъ у. Московской губ. вариантъ той же пѣсни восходитъ къ Живаревской редакціи этого стихотворенія.

Намѣреваясь заняться впоследствии болѣе обстоятельнымъ изученіемъ народныхъ передѣлокъ литературныхъ стихотвореній, я пока въ настоящей статьѣ не касаюсь тѣхъ вопросовъ, которые требовали бы особенно тщательнаго разбора. Поэтому я даю только характеристику извѣстныхъ мнѣ вариантовъ, не пытаюсь опредѣлить ихъ генеалогическую зависимость. Послѣдняя работа могла бы быть выполнена только при знакомствѣ съ большимъ числомъ вариантовъ. Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться ни народными пѣсенниками, въ которыхъ напечатано это стихотвореніе, ни его лубочными изданіями и даже не знаю, существуютъ ли лубочныя картинки съ этимъ стихотвореніемъ. Только знакомство съ такими изданіями, а также и съ другими вариантами той же пѣсни помогли бы установить генеалогическую зависимость между ними и прослѣдить ходъ народнаго творчества въ переработкѣ этой пѣсни. Параллели изъ другихъ народныхъ пѣсенъ я привожу только по двумъ изданіямъ: 1) А. И. Соболевскій. Великорусскія народныя пѣсни; т. I—IV, Спб. 1895—1898, и 2) А. Васнецовъ. Пѣсни Сѣверо-восточной Россіи, М. 1894. Несомнѣнно, что можно подыскать болѣе близкія параллели ко 2-й части разбираемой народной пѣсни, чѣмъ это

сдѣлано мной; быть можетъ, удастся опредѣлить (конечно, приблизительно), даже источники этой 2-й части. Но такая работа требуетъ болѣе тщательнаго пересмотра имѣющагося матеріала.

Народная передѣлка Пушкинскаго «Узника» представляетъ любопытный примѣръ измѣненія литературнаго стихотворенія при переходѣ въ народъ. Мнѣ эта пѣсня извѣстна по 8 вариантамъ, представляющимъ замѣтныя различія. По содержанію можно раздѣлить эти варианты на 3 группы: 1) Вар. № 1; 2) варр.: №№ 2, 3, 4, 5, и 3) варр. №№ 6, 7 и 8. Въ вар. № 1, какъ и у Пушкина, дѣйствуютъ узникъ и орелъ, но къ нему прибавлено кромѣ того окончаніе, въ которомъ узникъ вспоминаетъ о своей милой. Въ варр. 2-й и 3-ей группы узникъ остается въ сторонѣ; въ пѣснѣ поется о двухъ орлахъ, изъ которыхъ одинъ сидитъ въ клеткѣ, а другой—на свободѣ. 2-я группа отличается отъ 3-ей тѣмъ, что въ ней есть окончаніе, сходное съ окончаніемъ вар. № 1. Въ варр. 3-ей группы этого окончанія нѣтъ, и пѣсня заканчивается призывомъ орла улетѣть въ фантастическую страну. Раздѣляя такимъ образомъ варианты этой пѣсни на группы, я имѣю пока въ виду только содержаніе, а не отдѣльныя выраженія или даже генеалогическую зависимость вариантовъ. Вар. № 6, наприм., по нѣкоторымъ выраженіямъ стоитъ ближе къ вар. № 1, и тѣмъ не менѣе я отношу его по содержанію къ 3-й группѣ, вмѣстѣ съ наиболѣе удаленнымъ отъ него по отдѣльнымъ выраженіямъ вар. № 8. Тщательное сличеніе вариантовъ могло бы опредѣлить, въ какомъ отношеніи они находятся между собой, какой видъ народной передѣлки «Узника» наиболѣе архаичный и пр.

Во всѣхъ вариантахъ народной передѣлки измѣненія противъ Пушкинскаго оригинала очень значительныя. Пѣсня въ народной передѣлкѣ приняла совсѣмъ не тотъ характеръ, какой она носить у Пушкина.

«Узникъ» Пушкина, повидимому,—разбойникъ, заключенный за свои преступленія въ темницу. Онъ называетъ орла своимъ «товарищемъ», вѣроятно, за сходное ремесло. Видъ этого «товарища», подлетѣвшаго къ окну съ «кровою пиццей», возбуждаетъ въ узникѣ зависть и желаніе поскорѣе вырваться на свободу, и ему кажется,

что и орель зоветъ его съ собой. Кромѣ свободы, именно, той безграничной свободы, какой пользуется орель, узникъ у Пушкина ничего больше не желаетъ.

Какъ же понято это стихотвореніе въ народной передѣлкѣ? Разсмотримъ сначала вар. № 1. Мы уже отмѣтили, что у Пушкина орель молодой—на волѣ, внѣ темницы. Онъ подлетаетъ къ окну, клюетъ у окна кровавую пищу и зоветъ (какъ кажется узнику) узника съ собой на волю. Но самъ Пушкинъ ни слова не говоритъ о томъ, что орель—за окномъ, на волѣ. Поэту казалось, что это и безъ того понятно. Оказалось не такъ. Орель называется у Пушкина «грустный товарищъ» (узника). Съ чего ему грустить, если онъ на волѣ, и какой онъ товарищъ, если ихъ участь различна? Слова: «вскормленный на волѣ» могутъ подать поводъ къ предположенію, что орель лишился этой воли. Орель «смотреть въ окно, какъ будто со мною задумалъ одно». Но его дума не можетъ быть одна съ думами узника; если узникъ хочетъ вырваться на свободу, то этого незачѣмъ хотѣть орлу, разъ онъ свободенъ. Такимъ образомъ, нарисованную Пушкинымъ картину легко понять иначе, именно такъ, какъ она понята въ вар. № 1. Орель, какъ и узникъ,—не на волѣ. Онъ сидитъ въ той же темницѣ, гдѣ и узникъ, въ желѣзной клѣткѣ. Т.-обр., онъ—товарищъ узника по несчастью, по заключенію. Онъ смотреть въ окно, п. ч. рвется на волю, и въ этомъ отношеніи онъ въ полномъ смыслѣ слова «задумалъ одно» съ узникомъ. Картина получается яркая и художественная, но совершенно не та, что у Пушкина, и автора этой народной передѣлки «Узника» можно упрекнуть только въ томъ, что у него неясно, зачѣмъ клѣтка съ орломъ попала въ темницу.

Далѣе, желаніе одной только свободы для народной пѣсни, повидимому, слишкомъ отвлеченно. Лирическія народныя пѣсни почти всѣ—любовнаго содержанія. И вотъ, въ вар. № 1, узникъ, томясь въ темницѣ, вспоминаетъ про свою милую, съ которой онъ радъ бы повидаться, да не можетъ. Его глазамъ рисуется картина, что и милая его такъ же, какъ и онъ, тоскуетъ по миломъ и проливаетъ горькія слезы, не надѣясь когда-нибудь увидѣться съ нимъ. Эта картина, вполнѣ естественная у узника, притомъ еще влюбленнаго, кончается тоже красиво и естественно. Передѣлка, во всякомъ случаѣ, не лишена достоинствъ, несмотря на нѣкоторые промахи, какъ

наприм., плохо мотивированное помѣщеніе клѣтки съ орломъ въ тюремной камерѣ и совершенно неидущее къ данной пѣснѣ фантастическое описаніе страны, куда рвется узникъ, «гдѣ солнце не свѣтитъ, луна—никогда» (Это описаніе—рѣшительно во всѣхъ вариантахъ).

Другого рода измѣненіе. основного сюжета мы находимъ въ варр. 2-й и 3-ей группы. Какъ и въ вар. № 1, Пушкинскій «вскормленный на волѣ орелъ молодой» замѣненъ орломъ сидящимъ въ клѣткѣ. То, что говорится здѣсь объ этомъ орлѣ, вполне совпадаетъ съ соответствующими мѣстами вар. № 1. Но объ узникѣ пѣсня совсѣмъ не упоминаетъ (если не считать ст. 7—8 въ вар. № 6); зато въ пѣсню введенъ другой орелъ, уже вольный, и этотъ послѣдній зоветъ своего заключеннаго товарища въ ту фантастическую страну, «гдѣ солнце не съяетъ, луна никогда». Т.-обр., орелъ, сидящій въ клѣткѣ, играетъ въ этихъ варр. ту же роль, какую въ Пушкинскомъ стихотвореніи играетъ самъ узникъ, а вольный орелъ пѣсни соответствуетъ «вскормленному на волѣ» орлу Пушкина. Такимъ обр., народная передѣлка «Узника», удалившись отъ Пушкинской картины (узникъ и орелъ на волѣ), снова возвращается къ ней, замѣнивъ только заключеннаго человѣка заключеннымъ орломъ. Несомнѣнно, что картина, какую представляютъ варр. 2-й и 3-ей группы, позднѣе той, какую мы видимъ въ вар. № 1, п. ч. съ чертами Пушкинскаго орла въ варр. 2-й и 3-ей группы является не вольный орелъ, а тотъ орелъ, который сидитъ въ клѣткѣ. Но зачѣмъ зоветъ орелъ своего товарища въ фантастическую страну вѣчной ночи? На это варианты 3-ей группы не даютъ отвѣта. Правда, по объему, эти варр. случайно стоятъ ближе остальныхъ къ стихотворенію Пушкина, но въ нихъ не говорится именно о волѣ, которой такъ хочется Пушкинскому узнику. Всего скорѣе, здѣсь случайно отпало то окончаніе, которое присутствуетъ въ варр. 2-й группы.

Окончаніе варр. 2-й группы заставляетъ видѣть въ первой половинѣ пѣсни, т.-е. въ той части, которая сохранилась и въ варр. 3-ей группы, распространенный запѣвъ, одинъ изъ тѣхъ запѣвовъ съ птицами, которые такъ употребительны въ народныхъ пѣсняхъ (см. ниже). Въ вар. № 2 можно усмотрѣть нѣкоторый параллелизмъ между 1-ой и 2-й частью. Орелъ леталъ по волѣ, добычу искалъ;—казакъ былъ въ отъѣздѣ (тоже въ родѣ, какъ на волѣ), казну искалъ.

Орель искалъ (нашелъ или не нашелъ? въ вар. № 2 неясно; въ вар. № 4—не нашелъ; въ вар. № 5, какъ и въ варр. №№ 1 и 8—нашелъ) добычи и попалъ въ клѣтку;—казакъ не нашелъ казны и попалъ въ тюрьму. Проводя параллель далѣе, получаемъ: орель-казакъ; то что говорится про заключеннаго орла, слѣдуетъ приписывать казаку. Второй орель, прилетающій къ товарищу, чтобы позвать его летѣть съ нимъ, выведенъ для связи первой половины пѣсни со второй. Такія параллели очень употребительны въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ нерѣдко первая половина пѣсни представляетъ аллегорическое изложеніе того же, что безъ аллегорій излагается во второй части. Такова, наприм., извѣстная пѣсня: «Распаху я пашеньку» и мн. др. (см. ниже). Впрочемъ, и при такомъ пониманіи пѣсни, вар. № 2 все-таки вызываетъ нѣкоторыя недоразумѣнія.

Въ вар. № 3 такого параллелизма нѣтъ; 2-я часть приставлена чисто механически; вѣрнѣе, уже въ этой 2-й части произошла контаминація двухъ пѣсенъ. Послѣ ст. 27 должно было бы стоять приблизительно то же, что въ вар. № 2; вмѣсто этого въ пѣснѣ говорится, какъ казакъ вернулся домой и пр. Это окончаніе (начиная со ст. 25) представляетъ отрывокъ изъ народной передѣлки стихотворенія С. Т. Аксакова ¹⁾).

Въ вар. № 4 и 5 объ казакѣ, попавшемъ въ тюрьму, не говорится ни слова; вторая часть значительно короче, чѣмъ въ вар. № 2 и 3 и носитъ нѣсколько другой характеръ. Параллелизма нѣтъ, или, вѣрнѣе, отождествленіе орла съ узникомъ подразумѣвается.

Въ вар. 2-й группы пѣсня, какъ и въ вар. № 1, носитъ любовный характеръ. Вольный орель зоветъ своего товарища летѣть туда, гдѣ «ходитъ гуляетъ казачка одна». Эта казачка—милая или жена узника, который въ пѣснѣ аллегорически изображенъ въ видѣ орла. Въ вар. № 2, какъ и въ вар. № 1 она остается вѣрной своему милому (или мужу) и поджидаетъ его, но не можетъ дожидаться, п. ч. казакъ, котораго она ждетъ, попалъ въ тюрьму. То же мы ожи-

¹⁾ Эта справка сообщена мнѣ А. В. Марковымъ, вмѣстѣ съ пѣсней, за что приношу ему искреннюю благодарность. Стихотвореніе С. Т. Аксакова, о которомъ здѣсь говорится („Настала священная брань на враговъ“), напеч. въ его сочиненіяхъ, т. IV, стр. 188; о народной передѣлкѣ этого стихотворенія см. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. X, стр. 91—93.

дали бы и въ вар. № 3, но, къ сожалѣнiю, въ этомъ вар. не понятна связь между первой и второй половиной пѣсни, и конецъ испорченъ.

Въ вар. №№ 4 и 5 окончанiе почти одинаково въ общемъ. Въ первомъ изъ нихъ произошла небольшая путаница. Вольный орелъ говоритъ своему заключенному товарищу про казачку, которая гуляетъ «не со мною (съ кѣмъ?),—съ донскимъ казакомъ». Если даже предположить, что подъ орлами слѣдуетъ разумѣть казаковъ (такъ же, какъ, наприм., въ пѣснѣ: «Сизенькой голубчикъ сидѣлъ на дубочку» или «Отлетаетъ сизъ голубчикъ отъ моихъ ясныхъ очей» и др., гдѣ голубь-молодецъ), все же эти слова не идутъ къ свободному товарищу. Эти слова могли принадлежать только узнику, мучающемуся въ темницѣ подозрѣнiями, что «казачка», воспользовавшись его заключенiемъ, измѣнила ему и гуляетъ теперь съ другимъ—«съ донскимъ казакомъ». Въ рѣчи вольнаго орла эти слова получили бы смыслъ, если бы исправить «со мною» на «съ тобою». Орелъ, прилетѣвъ къ своему товарищу, сообщаетъ ему печальное извѣстiе объ измѣнѣ той, кого онъ любилъ.

Въ вар. № 5 этой путаницы нѣтъ. Особенность этого вар. въ томъ, что изъ рѣчи вольнаго орла здѣсь сдѣланъ диалогъ между нимъ и орломъ, сидящимъ въ клѣткѣ, такъ что слова о сторонѣ, гдѣ гуляетъ красotka съ донскимъ казакомъ, принадлежать не вольному орлу, а тому орлу, который сидитъ въ клѣткѣ, и выражаютъ такъ образомъ не дѣйствительный фактъ, а только подозрѣнiя узника.

Вар. 3-ей группы отличаются отъ вар. 2-й группы только тѣмъ, что въ нихъ недостаетъ окончанiя. По всей вѣроятности, это окончанiе отпало случайно. Вар. № 6 и 7 довольно плохи. Въ первый изъ нихъ попали два стиха изъ той редакцiи пѣсни, которая является въ вар. № 1 (ст. 7—8). Что касается вар. № 7, то въ немъ выпала даже та подробность, что орелъ сидитъ въ клѣткѣ, и неизвѣстно, въ какое окно онъ смотритъ.

Не стану касаться другихъ особенностей вариантовъ, отмѣчу только нѣкоторыя параллели отдѣльнымъ мѣстамъ пѣсни изъ другихъ народныхъ пѣсень.

«Узникъ» Пушкина уже въ своемъ неизмѣненномъ видѣ по нѣкоторымъ подробностямъ близко примыкаетъ къ русскимъ народнымъ пѣснямъ. Узнику кажется, что орелъ зоветъ его съ собою; при видѣ

свободнаго орла у него у самого зарождается неудержимое желаніе улетѣть подобно орлу вмѣстѣ съ нимъ на свободу. Та же зависть къ птичьей свободѣ, то же неудержимое желаніе летѣть выражается нерѣдко и въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ пѣснѣ изъ собранія Васнецова № 2 молодець, тоскуя по своей любушкѣ-сударушкѣ, мечтаетъ: «Кабы была прежняя волкошка. Имѣлъ бы я сизы крылышки, Сизыя крылышки, Павлиныя пѣрышки, Взвился бы я высокошенько, Улетѣлъ бы далекошенько, Къ любушкѣ-сударушкѣ своей, Сѣлъ бы я на окошечко, Сталъ бы ворковать, Своей любушкѣ-сударушкѣ назолу давать». Тотъ же мотивъ (желаніе превратиться въ птицу и летѣть) ср. у Соболевскаго III, 39, 40 и 86; IV, 299. Еще ближе, чѣмъ Пушкинскій «Узникъ», къ этой картинѣ стоятъ его народныя передѣлки.

Такіе же образы очень часты въ примѣненіи къ вышедшей замужь въ далеку сторону. Въ этихъ послѣднихъ характеренъ для сравненія съ Пушкинскимъ «Узникомъ» контрастъ между «вольной пташечкой» и молодой, которую мужъ не пускаетъ, или дѣвницей; которую не пускаютъ родители. Ср. наприм., у Соболевскаго IV, 31—34, гдѣ дѣвушка, сравнивая милого съ соколомъ, подчеркиваетъ именно этотъ контрастъ между своимъ горькимъ житьемъ и вольностью сокола: «Соколь—птица вольная, вольная, А я, млада,—горькая, горькая».

Въ народной передѣлкѣ «Узника» орелъ приносить узнику или другому орлу вѣсть про казачку или дѣвчонку, тоскующую по милому или же измѣнившую милому. Въ другихъ народныхъ пѣсняхъ птицы очень часто являются въ роли вѣстниковъ. Очень распространено обращеніе къ птицѣ, чтобы она слетала на родную сторону (или къ дружкѣ и т. п.). Ср. пѣсни «Полети, мой голубь» (Васнецовъ № 37), «Пташка кпнарейка» (Васнец. № 133 и др.), «Леталь голубь, леталь сизый» (Соболевск. II, 500) и др. У птицы дѣвушка желаетъ узнать о своемъ миломъ или о своихъ родныхъ, тужать ли они по ней (Ср. Соболевск. III, 11; лучше — Ефименко, стр. 58: «Премилы дѣвушки» и др.). Узнику нашей пѣсни, вар. № 1 и 2, кажется, что орелъ ему говорить, что милая по немъ тужить. Ср. также—Соболевск. I, 121. Орелъ «гуляль» на свободѣ и видѣль, какъ тужить жена въ отсутствіе мужа («Какъ на морѣ было, морѣ синемъ, Лебедь съ орличкомъ все купалися, Не купалися они, совы-

кался; Лебедь орличка все выпрашивалъ, Изъ ума-то онъ орла все вывѣдывалъ: «Еще гдѣ ты, орель, былъ, гдѣ, сизой, гулялъ?»—*Я гулялъ мнѣ вотъ, леталъ по дикой степи*, По дикой степи гулялъ, по Саратовской.—«Не видаль ли ты, орель, молоду мою жену, Молодую жену со дѣвятиками, Не тужать ли они, не горюють ли?»—*Тужать, плачуть по тебѣ*, сокрушаются, *Тебя молодца* домой дождутся» и пр.). Этотъ запѣвъ, на мой взглядъ, представляетъ несомнѣнное сходство по характеру съ народной передѣлкой Пушкинскаго «Узника». Отмѣчу еще одну пѣсню со сходнымъ положеніемъ: Соболевск. I, 410. Пташки прилетаютъ къ убитому молодцу и приносятъ ему вѣсть, что его молодая жена выходитъ замужъ. Разница въ томъ, что молодець не въ темницѣ, а лежитъ въ горахъ убитый (къ нему «Съ родной его стороншки пташки прилетали, Жалобнѣхонько ему пѣсенки воспѣвали: «Восталь, востань, добрый молодець! Какъ зима проходитъ, весна наступаетъ, Твоя молода жена по саду гуляеть, по саду гуляеть, мужа выбираеть». Лежитъ молодець, не даетъ отвѣта» и т. д.).

Часто встрѣчаются и другого рода запѣвы съ птицами.

Аллегорическое изображеніе молодца въ видѣ птицы, какое мы отмѣтили въ вар. 2-й группы, въ народныхъ пѣсняхъ очень часто. Обыкновенно, молодець является въ видѣ сокола или голубя, рѣже—орла. (Послѣднее отождествленіе является, кажется, главнымъ образомъ въ разбойничьихъ пѣсняхъ, которыхъ мнѣ не удалось пересмотрѣть). Ср. пѣсню «Сизенькой голубчикъ, Удалой молодчикъ»; затѣмъ—Соболевск. IV, 31—34 (см. выше); Соболевск. IV, 157—161; Соболевск. IV, 570—572 (наприм. 571: «Я пойду ли, дѣвчоночка, въ зеленые луги. Цвѣты алы, розы красны надобно сорвати; Еще надо усмотрѣти сердечнаго друга... Въ первомъ часѣ полуночи прилеталъ голубчикъ; Онъ садился-возвивался на ново крылечко» и пр. Дѣвчоночка встрѣчала его, «за рученьку брала, Что за рученьку, за ручку, за столы сажала» и пр.) и мн. др. Чаше всего является параллелизмъ: въ первой половинѣ пѣсни говорится про птицу (голубя, сокола, соловья), во второй—про молодца. Ср. Соболевск. I, 6: «Какъ бы на соловья не зима бы студеная, Не морозы крещенскіе, Не леталъ бы я, соловей, по мхамъ, по болотичкамъ, По частымъ наволокищамъ.—Какъ бы на молодца не служба государева, И не поборы солдатскіе, Не ходилъ бы я, молодець, По чужой дальней

сторонѣ» и пр. Или—Соболевск. IV, 709.—Сokolь хватаетъ галку за крыло; галка проситъ ея пустить ее. Сокolь отвѣчаетъ: «Я тогда тебя пушу, крылья—перья ощиплю».—Молодецъ хватаетъ дѣвку за руку, дѣвка проситъ пустить ее. Молодецъ отвѣчаетъ: «Я тогда тебя пушу, Русу косу расплету, Твои будри выщиплю». Также: Соболевск. IV, 450 и др.

Приведу еще примѣры простого сравненія молодца съ птицей. Соболевск. III, 118 («Вылетала голубина на долину»)—«Летать голубь по долинѣ, самъ воркуетъ; Онъ сизу свою голубушку шукаетъ.—Добрый молодецъ по улицѣ гуляетъ; Онъ душу красную дѣвицу пробужаетъ» и пр. (То же въ слѣд. ММ: 119—122). Соболевск. IV, 31—34 (см. выше). Соболевск. IV, 149: «Не свивайся, не свивайся, трава со былинкой, Не лестися, не лестися, голубь со голубьюй, Не свыкайся, не свыкайся, молодецъ съ дѣвицей» и пр. (отм. также и продолженіе этой пѣсни). Соболевск. IV, 445. (Въ середнѣхъ пѣсняхъ:) «Не ясенъ соколъ летитъ, Съ поля милый другъ идетъ ¹⁾».

¹⁾ О заповѣхъ съ птицами цѣнныя замѣчанія находятся въ книгѣ Потебни „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсней“ II, стр. 295 сл. Здѣсь Потебня отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующіе заповѣи: 1) „Сокolь (в. другая птица) видитъ то-то“. 2) Пѣвцы или „ихъ герои высказываютъ желаніе подняться на крыльяхъ птицы; унестиcя на нихъ, куда порываетъ ихъ душу, видѣть даль очами птицы“. 3) „Мысль несется за полетомъ птицы, направленнымъ туда, гдѣ происходитъ дѣйствіе“ и др. Въ народной передѣлкѣ „Узника“ мы встрѣчаемся именно съ этимъ послѣднимъ заповѣемъ. О тѣхъ же заповѣхъ говоритъ также лкад. А. Н. Веселовскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Три главы изъ исторической поэтики“, гл. III—Языкъ поэзии и языкъ прозы“, III—Журн. Мин. Нар. Просв. 1899, май, стр. 53—55. Въ этой статьѣ Веселовскій указываетъ на то, что образъ птицы очень употребителенъ въ народной поэзии вообще. „Вдали отъ своихъ, отъ милой, человекъ ловитъ всякій образъ, всякую реальную связь, видимо пропягивающуюся отъ него на далекую чужбину“. Благодаря этому „Птица—вѣстникъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ мотивовъ народныхъ пѣсней“. „Образъ птицы встрѣтится намъ въ группѣ формулъ, типически отвѣчающихъ разнымъ стадіямъ любви“. Далѣе Веселовскій отмѣчаетъ мотивъ „О если бы я былъ птичкой, полетѣлъ бы“ какъ въ русскихъ, такъ и въ другихъ европейскихъ народныхъ пѣсняхъ, между прочимъ, еще въ древне-греческой поэзии („Федра“ Эврипида) и др. На стр. 65 Веселовскій отмѣчаетъ распространенный въ народной поэзии символъ: молодецъ-лебедь, дѣвица-горлица, лебедушка. Кромѣ матеріала въ этой статьѣ очень важны соображенія Веселовскаго о происхожденіи подобныхъ мотивовъ.

Изъ этого сравненія видно, что народныя передѣлки «Узника» Пушкина представляютъ новыя переплѣвы старыхъ мотивовъ.

Во всѣхъ варр. народной передѣлки «Узника» далекая сторона, куда хочетъ улетѣть узникъ, изображается стороною вѣчной тьмы. Тамъ «солнце не свѣтитъ, луна никогда». Очень далекая сторона иногда изображается въ народныхъ пѣсняхъ такъ, какъ здѣсь. Ср. малорусскую свадебную пѣсню, гдѣ говорится о неудачномъ сватовствѣ, Головаць. IV, 223—224. Староста поѣхалъ за невѣстой въ Угорскую землю, а въ Угорской землѣ «Куроньки не піють, І свѣт не свѣтае, І соненько несходитъ, І дрібен дощ нейде, І травонька не росте, І коник ся непасе». (Сн. у Потебни, Объясн. мдр. и ср. нар. пѣс. II, 125). Во всякомъ случаѣ, въ передѣлкѣ «Узника» такое описаніе не у мѣста. Такимъ мѣстомъ, «гдѣ солнце не свѣтитъ, луна никогда», въ каторжныхъ и другихъ пѣсняхъ являются обыкновенно копи. Ср. въ очень распространенной за послѣднее время пѣснѣ: «Паша, ангелъ непорочный» (кажется, болѣе новой, чѣмъ разбираемая передѣлка «Узника»). Человѣкъ, попавшій на каторгу въ Сибирь за убійство жены, говоритъ (своей дочери): «Тамъ гдѣ солнышко не свѣтитъ, заря не всходитъ никогда, тамъ придется мнѣ погибнуть и завянуть, какъ трава».

Вторая половина пѣсни въ обѣихъ ея редакціяхъ, быть можетъ, не сочинена вновь, а заимствована изъ какихъ-нибудь другихъ народныхъ пѣсенъ и только удачно соединена съ запѣвомъ, взятымъ у Пушкина. Если не вся вторая половина, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльные стихи ея встрѣчаются и въ другихъ народныхъ пѣсняхъ. Такія параллели мнѣ удалось подыскать къ вар. № 1.

Ст. 31^о—34 ср. у Васнецова пѣсню № 59. Пѣсня довольно новая. Начинается она такъ:

„По Дону гуляетъ
Казакъ молодой;
Тамъ плачетъ дѣвица
Надъ быстрой рѣкой.

Казакъ у дѣвицы выпрашиваетъ:

„О чемъ, дѣвка, плачешь,
О чемъ слезы льешь?“
—Какъ же мнѣ не плакать,
Какъ слезы не лить?

Но причина ея слезъ не та, что въ нашей пѣснѣ. Ей напророчила цыганка, что она утонетъ въ свадебный день.

Почти тѣ же стихи у Соболевск. II, 69:

„О чемъ ты, Машенька, плачешь,
О чемъ ты слезы льешь?“
— Ахъ, какъ же мнѣ не плакать,
Да какъ не тужить?—
Ахъ не велить мнѣ матушка
На улицу ходить“ и пр.

Ст. 35—38 того же вар. ср. у Соболевск. III, 161: «Я разсѣю свое горе, По чистому полю. Уродися, мое горе, Ни розъ, ни пшеница (2),—Травой, муравою; Ни травушкой, ни муравушкой, Алыми цвѣтами. *Да всѣ цвѣты алые,—Одинъ встѣхъ алье, да онъ розовѣе; Какъ всѣ друзья милые, Одинъ встѣхъ милѣ*» и пр.

Соболевск. IV, 151 («Полно, полно вамъ, ребята, Чужо пиво пшти»). Послѣ залѣва въ пѣснѣ говорится про голубку, которая опускалась на сине море, садилась на бѣль - горючъ камень, умывалась ключевой водой, утиралась алыми цвѣтами: «*Все цвѣты ли, цвѣты алые, одинъ поалте; Все дружки ли, дружки милые, одинъ помилте*».

Соболевск. IV, 353 «По горамъ было, по высокимъ, По лужкамъ зеленымъ, Расцвѣтали тамъ цвѣточки, Все цвѣты аленькіе. *Ужъ какъ всѣ цвѣты аленьки, Одинъ поалте встѣхъ; Ужъ какъ всѣ дружки миленьки, Одинъ помилте встѣхъ*» и пр. (Ср. *ibid.* № 357).

Соболевск. IV, 774; конецъ сходенъ съ началомъ пѣсни «Я разсѣю свое горе» (Собол. III, 161).

«Разойдетъ тоска-кручина по чистому полю, Обрастетъ тоска-кручина травой-муравою, Травой, травой-муравою, алыми цвѣтами. *Ужъ какъ всѣ цвѣты алые, одинъ встѣхъ алье; Еще всѣ дружки милые, одинъ встѣхъ милѣ*».

Вообще, надо замѣтить, что сравненіе милого съ алымъ (рѣже: розовымъ, лазоревымъ) цвѣтомъ въ народныхъ пѣсняхъ очень часто. Ср. напр., пѣсню «По улицѣ мостовой» (Васнецовъ—№ 48; Соболевск. IV, 740—743 и др.), гдѣ есть такіе стихи:

„Я по цвѣтнеамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,

Цвѣта алаго искала,
Не нашла цвѣта алаго,
Супротивъ друга милого“.

Тѣ же стихи встрѣчаются и въ другихъ пѣсняхъ. (Ср. Соболевск. IV, 215; сходн. Соболевск. IV, 436: «По цвѣтикамъ ходила, по алымъ гуляла; не нашла я, не нашла одного, не нашла милого своего» и пр.).

Ср. также слѣдующую картину: (дѣвушка) «Увидала въ полѣ аленькій цвѣтокъ.—Ужъ ты, аленькій, лазоревый цвѣтокъ, Ты далече во чистомъ полѣ цвѣтешь! Ужъ ты миленькій, возлюбленный дружокъ; Ты далеко отъ меня, милый, живешь» (Соболевск. IV, 368; сходная картина—Соболевск. IV, 255).

У Васнецова № 18: «Расцвѣтай-ка, расцвѣтай-ка Въ полѣ, розовый цвѣтокъ; Побывай-ка, побывай-ка Ко мнѣ, миленькій дружокъ». (То же у Соболевск. IV, 435, гдѣ цвѣтокъ—«лазоревый»).

Ср. также у Соболевск. III, 372; IV, 79, 358, 572, 726 и др.

Изображеніе милого въ видѣ (алаго) цвѣтка влечетъ за собой слѣдующія параллели: цвѣтокъ далеко цвѣтетъ-милой на чужой сторонѣ (Соболевск. IV, 368) или даже разлюбилъ милую (Соболевск. IV, 255); цвѣтокъ расцвѣтаетъ-милой ходить къ своей милой; цвѣтокъ вянетъ-милый тужить. (Ср. Ефименко, стр. 71; когда цвѣтокъ вянетъ, онъ склоняетъ голову и блекнетъ;—отъ слезъ лицо какъ бы увядаетъ; румянецъ отъ горя сходитъ; лицо вянетъ; при печали человекъ опускаетъ голову); сорвать цвѣтокъ-полкунить милого, сойтись съ милымъ; одинъ цвѣтокъ алѣе другихъ-одинъ милой милѣе другихъ и пр. ¹⁾

«Узникъ» Пушкина проникъ въ народъ недавно. Самая старая записъ въ моемъ собраніи сдѣлана въ 1896 г. (Вар. № 3). Тамъ, гдѣ я записалъ въ 1897 г. вар. № 1, эта пѣсня была еще совсѣмъ новой; а въ 1896 г. ея еще не пѣли. Впрочемъ, это обстоятельство могло быть случайнымъ; въ другихъ деревняхъ она могла быть извѣстна и раньше; можно навѣрное сказать, что въ 1897 году ее пѣли уже въ Рязанской и Тульской губ.

Напѣвъ этой пѣсни довольно однообразенъ и не можетъ быть названъ особенно красивымъ. Благодаря этому, пѣсня эта едва ли долго продержится въ народѣ.

¹⁾ См. также статью акад. А. Н. Веселовскаго — „Психологическій параллелизмъ“—Ж. М. Н. Пр. 1898, мартъ.

№ 1.

1. Леталь по волѣ
Орѣль молодой;
летамши по волѣ,
добычу искаль;	улетимъ далѣче,
въ чужіе края,
гдѣ горы высоки,
круты́ берега́,
5. найдѣмши добычу,
самъ въ клѣтку попалъ.
Сижу за рѣшоткой
въ темницѣ сырой;
железная клѣтка	25. гдѣ солнце не свѣтитъ,
луна—никогда.
Тамъ ходитъ, гуляетъ
дѣвчонка одна,
дѣвчонка одна,
10. виситъ перѣдо мной.
Во этой во клѣткѣ—
орѣль молодой;
кровавую пищу
клюётъ удалой,	30. слезми улитъ.
— Объ чѣмъ, дѣвка, плачешь,
горьки слѣзы льѣшь?
— Какъ же мнѣ не плакать,
горькихъ слѣзъ не лить?—
15. клюётъ и бросаетъ,
самъ смотреть въ окно.
Низмѣнай товарищъ
задумалъ одно:
— „Товарищъ низмѣнай, (-не-
измѣнный)	35. Много цвѣтовъ алыхъ,
одивъ—всѣхъ алѣй;
много дружковъ милыхъ,
одивъ—всѣхъ милѣй,
и тотъ за рѣшоткой
20. давай, улетимъ,	40. навсегда сидитъ.

Записана мною въ дер. Парфѣнки, Васильевской вол., Рязскаго уѣзда, Московской губ., лѣтомъ 1897 г.

№ 2.

1. Летаетъ по волѣ
Карѣль молодой, 2
летаетъ по волѣ,
добычу искаль, 2	ѣнь пищу и траву,
ѣнь её клюётъ,
клюётъ и бросаетъ,
самъ смотреть въ окно,
5. самъ въ клѣтку попалъ 2.
Железная клѣтка
съ зелѣнымъ листомъ 2
и надъ окномъ виситъ 2.
Во этой во клѣткѣ	15. къ ѣму прилетаетъ
товарищъ ѣво.
— „Товарищъ мой милый,
давай, улетимъ,
гдѣ солнце не сълетъ,
10. орѣль молодой; 2	20. луна никогда;

тамъ ходить, гуляеть
казачка ёдна,
ёдна ждѣть, поджидаетъ
казака свово.

25. Казакъ былъ въ отъѣздѣ,

ёнъ казну искаль,
не нашёлъ казны—
самъ въ тюрьму попалъ.
Тюрьма, тюрьма тёмная,

30. беззаконная.

Каждый четный стихъ повторяется по 2 раза. Записана отъ дѣвушки Тульской губ., Веневск. у., 3 янв. 1899 г., М. И. Соколовымъ.

№ 3.

1. Летаетъ по волѣ
орѣль молодой;
искаль онъ добычу,—
самъ въ клетку попалъ.

5. Желѣзная клетка
виситъ предъ окномъ,
а въ этой во клеткѣ
орѣль молодой;
кровавую пишу

10. клюётъ молодой,
клюётъ и бросаетъ,
самъ смотреть въ окно.
Къ нему прилетаетъ
другой молодой:

15. „Здорово, товарищъ,
давай, улетимъ,—
гдѣ солнце не свѣтитъ,
луна—никогда,

гдѣ горы высоки,
круты берега.
Тамъ ходить, гуляеть
казачка одна,
ещё поджидаетъ
къ себѣ казака.

25. Казакъ былъ въ Сибирцъ,
богатства искаль;
не нашёлъ богатства,
поѣхалъ домой.

30. Его мать встрѣчаетъ
съ иконою святой.
—„Здорово, товарищъ,
здорово, семья!“

—Всѣ живы, здоровы;
случилась бѣда:

35. жена молодая
ночью померла.

Записана ученикомъ Московской частной гимназiи Поливанова, С. М. Соловьевымъ, на ст. Крюково, Николаевской жел. дор., Московск. губ., въ 1896 г. Сообщена мнѣ А. В. Марковымъ.

№ 4.

1. Летаетъ по волѣ
орѣль молодой;
летамши по волѣ,
добычу искаль,

5. не нашёлъ добычи,

самъ въ клетку попалъ.
Сидитъ за рѣшоткой
орѣль молодой,
кровавуя пишу

10. клюётъ пердъ окномъ;

клюётъ и бросаетъ,
самъ смотреть въ окно.
Къ нему прилетаетъ
товарищъ его.
15. — „Товарищъ мой вѣрный,
давай, улетимъ,

гдѣ солнце не съянетъ,
луна — никогда.
Тамъ ходить, гуляетъ
20. казачка одна;—
она не со мною,—
22. съ донскимъ казакомъ.

Каждый четный стихъ повторяется по 2 раза. Записана М. И. Соколовымъ отъ дѣвушки Рязанской губ., Зарайск. у., 3 янв. 1899 г.

№ 5.

1. Летаетъ по волѣ
орѣлъ молодой;
летавши по волѣ,
добычу искалъ;
5. найдѣвши добычу,
самъ въ клѣтку попалъ.
Сидитъ за рѣшоткой
орѣлъ молодой;
крававую пищу
10. клюётъ подъ окномъ;
клюётъ и бросаетъ,
самъ смотреть въ окно.
Къ нему прилетаетъ

товарищъ его.
15. — „Товарищъ мой вѣрный,
зачѣмъ залетѣлъ?“
—Товарищъ мой милай,
давай, улетимъ!
— „Лети ты, товарищъ,
20. а я за тобой.
Гдѣ солнце не свѣтитъ,
луна—никогда,
тамъ ходить, гуляетъ
красотка одна,
25. не одна гуляетъ,
съ донскимъ казакомъ“.

Записана мною у женщины Рязанской губ., Рязанскаго уѣзда, въ маѣ 1899 г.

№ 6.

1. Летаетъ по волѣ
орѣлъ молодой;
летавши по волѣ,
добычу искалъ;
5. за этой добычей
самъ въ клѣтку попалъ.
Сажу за рѣшоткой
въ темницѣ сырой,
во этой во клѣткѣ
10. орѣлъ молодой;

травинную пищу
клюетъ удалой.
Къ нему подлетаетъ
орѣлъ молодой.
15. — „Здорово, товарищъ,
давай, улетимъ,
гдѣ горы высоки,
круты берега,
гдѣ солнце не грѣетъ,
20. луна — никогда.

Записана для меня дѣвочкой 13 лѣтъ, изъ деревни Курово, Рузскаго у., Московскаго губ., лѣтомъ 1898 г. Правописаніе здѣсь исправлено.

№ 7.

1. Орёлъ ты, орлице,
орёлъ молодой!
Летаеъ по волѣ
орёлъ молодой,	Къ нему прилетаеиъ
товарищъ его.
— „Товарищъ мой милой,
давай, улетимъ
за тѣмныя горы,
высоки лѣса,
5. вровавую пишу
клюётъ подѣ ногой;
клюётъ и бросаеъ,
самъ смотреиъ въ окно.	15. гдѣ солнце не свѣтитъ,
заря—никогда.

Записана крестьянкой Московск. губ., Подольск. у., дер. Прудки, въ авг. 1899 г. Сообщена мнѣ А. А. Грибовымъ. Правописание исправлено.

№ 8.

1. Летаеъ орелииъ
по Волгѣ рѣкѣ,
ищеть нарелииъ
добычу себѣ.	клюётъ и глотаетъ,
самъ смотреиъ въ окно,
5. Нашёлъ онъ добычу,
самъ въ клѣтку попалъ.
Желѣзная клѣтка
на стѣнкѣ виситъ;
вво этой во клѣткѣ	15. въ себѣ поджидаетъ
дружка своего.
Къ нему прилетаеъ
товарищъ его.
— „Товарищъ, другъ тайный,
10. орелииъ сидитъ;
кровавѣя пишу
клюётъ перѣдъ окномъ,	20. давай, улетимъ
далече, далече,
въ чужие края,
гдѣ солнце не свѣтитъ,
24. луна никогда.

Записана мною отъ дѣвушки Тульской губ., Веневск. у., Косяевской вол., дер. Васильевской, февраль 1899 г.

Н. Дурново.

Москва, 1-го октября 1899 года.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1900.